

Людмила ГУРЧЕНКО:

Аплодисменты - это взмах крыльев, НАРКОТИК И ВОДКА!

Вышла в свет богато иллюстрированная книга
знаменитой актрисы «Люся, стоп!»

Людмила Гурченко
с честью выходит
из всех жизненных
«бетономешалок».

Она сидит на бульваре, смотрит на кинотеатр «Россия», теперь «Пушкинский», в котором идут американские фильмы, и думает: страна и общество разрушились и продвинулись вперед одновременно, не все смогли встроиться в эту очередь у кинотеатра, какая жестокая реальность... Кино - ее жизнь. Ее жизнь - кино. Она все видит, надо всем думает и - безумно любит одно и другое.

Еще несколько страниц, и закончится эта книга, которую глотаешь, и жаль проглотить, хотелось бы длить вкус и послевкусие.

Интересно.

Интересно, что это ключевое слово у автора. Осуществившаяся, познавшая успех, и забвение, и снова успех, счастье и боль, Людмила Гурченко с жадным любопытством вглядывается в человека, в роль, в отца, которого столько лет нет, а она все слы-

шит его голос: «Усе людя-ам, людя-ам, ничегенька себе». Так она и была воспитана, не алчная, умная, порой жесткая, но только с теми, кто жесток к ней, ничего не просящая, не развешивающая своих портретов дома (ни одного фото!).

Она мало приводит слов о себе. Одно высказывание - Марка Бернеса - цитируется, и я его приведу как драгоценность: «Знаешь, за что я тебя люблю? Ты не б... Глазами не рыщешь. Нет, ты настоящая».

А ведь говорили и это. Мелкие уколы, крупные предательства - через все прошла, максималистка с ранних лет. Рассказывает, как в школе дружила с подружкой, а та вдруг ушла в кино с другой и, встретившись на выходе, нагло лгала, что просто так гуляла. «Что произошло с моим открытым, доверчивым организмом в тот момент!»

Потом случится не раз. Семнадцатилетний брак с Костей Михайловым, которого она заставила вернуть фамилию отца - Курпервейс, был полон доверия и нежности. Она скажет ему: «Ты относишься ко мне так, как я об этом мечтала всю жизнь». Любовных фраз уже нет. Они кончились с исчезновением из ее

жизни Бориса Андроникашвили, отца их дочери Маши. Исчезнет и Костя. После признания, что живет с другой женщиной. «Мое сердце увеличилось в объеме так мощно, что я стала задыхаться, а лицо до боли сжалось, потом растеклось и стало, наверное, перевернутым, потому что на его лице я прочитала настоящий ужас, смешанный с глубоким тайным и вдруг вырвавшимся наружу победным превосходством, - ну, как мы вас, звезд?!»

Она не боится откровений. Она адресует их людям, которые ее любят. Вся книга - обращение к ним: «Дорогой мой народ! Дорогие зрители... Когда я выхожу на сцену и слышу ваши аплодисменты - это для меня как взлет в небо, как взмах крыльев, как наркотик, как водка, как адреналин! Много небылиц, сплетен... Лучше я сама напишу. И все, что здесь прочтете, - это для вас. Только для вас». Вспышка в ответ на заявление подвыпившего коллеги: «Вас ведзь никто не любит... Кромь на-ро-да».

Ее доставали «акулы пера». Их не интересовал внутренний мир артистки - больше всего интересовала жизнь с Кобзоном. Едва начала с подъемом о наболевшем, как... «Скажите, - перебивает он меня, - а что за человек Кобзон?». И сравнение наотмашь - это как если бы: «ты протягиваешь руку, знакомишься, а он вместо своего имени задает вопрос: «Скажите, у вас сегодня ночью был оргазм?»

Повторю: при этом сама не страшится признаний. «Иногда, по вечерам, очень сильно хотелось любить! Просто все тело ломилось, тосковало. Что делать с этими проклятыми человечески-

ми организмами...».

Что такое она как профессионал - может передать эпизод на премьере «Бюро счастья». Перед спектаклем не спала, болела спина, врач дал пару таблеток от одного и пару от другого. Она перепутала. Врач сам пил четвертинку. Она выпила две снотворные перед спектак-

существование, не знаю, может быть, как состояние внутри бетономешалки...». Сказать так может тот, кто знает это состояние бетономешалки.

Девяносто ролей в кино и на телевидении. Мало. Ей давно надо больше, чем кто-то может дать. И она берет сама. «Песни войны», «Прощай, Двадцатый...», «Бюро счастья», «Мадлен, спокойно!» - то, что делает помимо кино. Новые люди рядом... И слава Богу, Сергей Сенин, продюсер, молодой муж. «Не разошлись. Не разбежались. Не оборвали сложных нитей, связывающих и соединяющих нас. Это сверхуникальное супружество». Хотя и названа последняя глава: «Пока...» Слишком горек опыт.

Она еще не знала, насколько горек. Узнала четыре года назад. Когда стояла над могилой Марка. Она так надеялась на этого мальчика. Представляла, как вырастет в красивого мужчину, и они будут идти по улице, и он скажет ей: «Я люблю тебя, Люся...». Не скажет. Шестнадцатилетний сын ее дочери Маши умер от передозировки наркотиков.

Она сказала: Оля, я не писатель. Она писатель. Отсюда наш смех и наши слезы. И удивление. Это ее третья книга. И в ней она так же талантлива, как во всем остальном.

Она назвала книгу «Люся, стоп!». Нет, Люся, не стоп. Не тормозить, любимая народом, неповторимая актриса.

Ольга КУЧКИНА.

**«Я так
устала
от своего
сердца,
которому
всю жизнь
были
необходимы
сильные
чувства...»**